

неожиданное признание: «Знаешь, я в действительности большой гад и ничуть то не скрываю. Я заставлял девчонку проделывать такие вещи, от которых у её ровесницы с нервами чуть послабее — или со скрытой сексуальной озабоченностью чуть поменьше — могла бы запросто поехать крыша. Пожалуй, неплохо бы составить об этом предупреждение для всех любителей подобных экзерсисов, если вдруг решу поделиться с кем-нибудь отчётом о своих опытах. Но, по крайней мере, я надеюсь, что мне удалось правильно выбрать момент прекращения опыта — классический happy end в романтических розочках». Катя вновь положила чуть подрагивающие пальцы на клавиатуру. Но, увы, совершенно не могла придумать, что сказать. «Удачи тебе, Фэйли». Катя, уже почти забывшая этот свой ник, вздрогнула. И политкорректно набрала в ответ: «Спасибо». ~ Судьбы людей причудливы. Екатерина Щеглова через пять лет пошла по линии практикующих психологов — кто знает, возможно, случившееся с нею на заре полового созревания побудило её заинтересоваться странностями людских душ? Константин Свиренков же, к примеру, стал всё плотнее и плотнее уделять внимание боевым единоборствам на профессиональном уровне — абсолютная неожиданность для тех, кто знал пять лет назад этого щуплого интеллигентного парня. Около года назад Екатерину разобрало любопытство, и она раскопала среди старых файлов электронный почтовый адрес Шантажиста — рискнув отправить по нему короткое письмо. Ответа, увы, так никогда и не поступило. Екатерину это не особенно удивило. Будучи начинающим психологом, она к тому времени успела уже чётко составить себе в уме предполагаемый душевный портрет Шантажиста — сексуально озабоченный, но нереализовавший себя в этой сфере лужер-эскапист с низким уровнем воли и почти столь же низким уровнем морали, компенсирующий несовершенство окружающей реальности за счёт высокоразвитого воображения. Прогноз судьбы подобного индивидуума едва ли мог быть благоприятен, варьируясь в весьма неаппетитных пределах. Тем не менее она ощутила лёгкую печаль. О Шантажисте она вспоминала со смешанным чувством стыдливой неловкости, профессиональной жалости и грустно-ироничной благодарности.